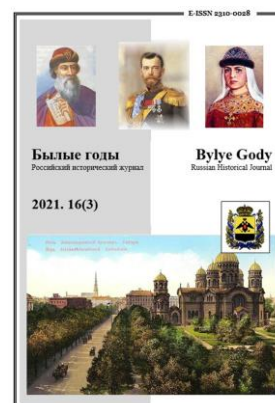

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1399-1408
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1399
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Irrigation Issue in Russia's Policy in Turkestan (end of the XIX – beginning XX centuries)

Irina B. Bochkareva ^{a, *}

^aAltay State University, Russian Federation

Abstract

Agricultural specialization and irrigated agriculture in Turkestan have identified the irrigation issue as an important component of the overall modernization program of the region and a condition for the realization of Russia's economic interests: the development of cotton growing and the Russian colonization expansion. The Russian political elite's understanding of economic interests in Turkestan was formed already in the early 1890s. At the same time, the Turkestan border position, the difficult international situation in the region caused by the rivalry between Russia and Great Britain in Central Asia have influenced the nature of the state's efforts to solve the region's economic modernization problems. The irrigation issue was clearly not among the priorities of the metropolis economic policy in Turkestan. The state invested in the modern modes of transport and communication construction, primarily railways. Solving the irrigation issue in the spirit of modern approaches required a lot of preliminary work and capital: conducting land-tax division, determining the amount of free state land, assessing the water resources of the region, developing a new water law. A complex of measures to address the irrigation issue began to be implemented systematically only by 1910. This is due to the general change of emphasis in the metropolis policy, the final formalization of the region's economic development strategy, in which the expansion of the area of irrigated land was of most importance. It can be said that only the first steps were taken in the modernization process of the irrigation system during the imperial period: approaches to the legal formalization of the water use process were formed; areas for the construction of new irrigation systems were identified. Then the Soviet government has already carried out a systematic solution to this issue, taking into account the challenges of the time.

Keywords: irrigation, modernization, Turkestan, Russian Empire, water law, irrigation of the Hungry steppe.

1. Введение

В условиях аридного климата, пустынного и полупустынного ландшафта местности в Туркестане исторически сложился орошаемый тип земледелия. В сознании коренного населения Туркестана, веками практикующего орошаемое земледелие, прочно утвердился стереотип восприятия неорошенных земель как «мертвых» (Дингельштедт, 1893: 277). Вместе с тем хозяйственное развитие Туркестана в составе Российской империи и постепенное втягивание его в модернизационный процесс не изменили хозяйственные практики населения, включая русских крестьян-колонистов. На 1913 г. ценность земли без орошения стоила 10–15 руб. за десятину, а стоимость орошенной земли уже 600 руб. и выше (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 285. Л. 2). Учитывая аграрную специализацию хозяйства Туркестанского края, было ясно, что решение стратегических задач его развития напрямую зависит от решения вопросов расширения и модернизации ирригационной системы и регулирования водопользования. Этот тезис проходит лейтмотивом через отчеты и работы представителей российской имперской администрации всех уровней, что, по нашему мнению, говорит об определенном консенсусе в понимании экономических интересов метрополии в Туркестане и способов их решения. Как считается, стратегия хозяйственного развития региона получила

* Corresponding author

E-mail addresses: portnygina@yandex.ru (I.B. Bochkareva)

окончательное оформление в Записке главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина 1912 года по итогам его поездки в Туркестан. Он определил основной экономический интерес России в регионе – превращение Туркестана в базу товарного хлопководства для российской промышленности, а в качестве основных способов достижения этой цели – распространение оросительных работ на все площади Туркестана, пригодные для орошения и посевов хлопка ([Записка главноуправляющего..., 1913: 358](#)). Решение ирригационного вопроса предполагало действия государства по следующим направлениям: повышение эффективности системы водопользования в районах традиционного орошения и строительство новых ирригационных систем для введения новых земель в хозяйственный оборот. Таким образом, развитие ирригационного дела в Туркестане являлось неотъемлемой составляющей общей программы экономической модернизации региона и значимым индикатором этого процесса. Характеристика и оценка результативности политики государства в решении вопроса водопользования, чему посвящена данная статья, позволяют составить более полное представление о характере и глубине экономической модернизации Туркестана в имперский период

2. Материалы и методы

В качестве основных источников для анализа состояния ирригационного хозяйства Туркестана и действий государства по его модернизации мы использовали работу Н. Дингельштедта «Опыт изучения ирригации Туркестанского края» 1893 г. и «Очерк современного положения водного хозяйства Туркестана», подготовленный в рамках ревизии Туркестанского края сенатором К.К. Паленом в 1908–1909 гг. ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284](#)). Написанные с разницей в 16 лет, они дают возможность проследить изменения в состоянии ирригационного вопроса, если таковые были. Мы сознательно выбрали в качестве источника фиксации состояния ирригационного вопроса работу Н. Дингельштедта, а не проведенную ранее в 1882 г. ревизию Гирса, потому что в 1880-е гг. орошение новых земель как приоритетная задача экономической политики России в регионе еще не ставилась. Гирс хоть и указал в своем отчете важность развития ирригационного хозяйства, но остановился только на вопросах организации управления ирригационным хозяйством, признав традиционную систему управления вполне дееспособной ([Гирс, 1882: 357](#)). Хотя работа Дингельштедта, строго говоря, является исследованием, автор при его подготовке много информации собирал непосредственно на местности, и главное, что представляет для нас интерес, он определил проблемы в организации ирригационного земледелия с точки зрения экономических интересов империи в регионе и предложил способы их решения. Что касается материалов ревизии Палена, то они зарекомендовали себя как авторитетный источник для изучения широкого круга вопросов политического и экономического развития Туркестанского края в начале XX в. Для проведения ревизии сенатор Пален набрал себе команду помощников, которые не являлись чиновниками администрации Туркестанского края и не были связаны в своих действиях местными чиновно-корпоративными интересами. Это, как нам представляется, обусловило более высокую степень объективности оценок авторов отчетов и их последующую ценность как источника. В очерке о состоянии водного хозяйства, помимо информации общего характера (площадь орошаемого земледелия, техническая характеристика ирригационных систем, система администрирования), автор останавливается и на проблемах и высказывает предложения, способные, по его мнению, повысить эффективность регулирования водопользования в Туркестане. Кроме этого, в работе были использованы материалы фондов РГИА (Ф. 1276 – Совет министров): переписка между краевой администрацией и министерствами, доклады в Государственной Думе по вопросам орошения, строительства новых ирригационных систем в Голодной степи, подготовки проекта закона о водопользовании в Туркестане.

Методологической основой исследования стали положения теории модернизации. Современный дискурс по проблеме модернизации, как исторического процесса, строится на положении, что при наличии глубинных универсальных закономерностей он в то же время демонстрирует многовариантность протекания в разных странах и регионах, обусловленную влиянием на него местной социокультурной среды ([Актеры..., 2016; Лысенко, 2019](#)). Отличительной чертой российского варианта модернизации являлась акторская роль государства в этом процессе, что ставило динамику модернизационных изменений в азиатских регионах империи в прямую зависимость от усилий государства.

3. Обсуждение

Стратегически вопрос водопользования был актуален в первую очередь для расширения площади орошаемых земель для целей русской колонизации в регион. Поэтому разные аспекты водного вопроса, как правило, рассматривались в историографии, начиная с дореволюционного периода, в контексте анализа вопроса землепользования и переселенческого процесса в Туркестан ([Масальский, 1913; Логанов, 1908; Верховский, 1910; Бартольд, 1927](#)). Часть этих работ носит справочный, описательный характер и не содержит оценок политики государства по развитию ирригационного дела в крае ([Россия..., Т. 19, Масальский, 1913](#)), часть, как работа Г. Логанова,

отличается более глубоким анализом вопроса водопользования. Автор отмечает крайнюю запутанность порядка водопользования в Туркестане и неэффективность обычного права как его регулятора, в качестве основной задачи государства он определяет выработку водного закона, устанавливающего верховное право государства на воду (Логанов, 1908: 76).

В советский историографии вопросы экономического развития Туркестана на рубеже XIX–XX вв., и проблема орошения в частности, преимущественно являлись предметом изучения исследователей из местных союзных республик (Аминов, 1959; Юлдашев, 1969). Авторы затрагивают в своих работах почти все аспекты ирригационного вопроса: строительство новых систем, водно-правовые отношения, привлечение частного капитала к строительству. Однако политика «царской России» в характерном для советской исторической науки подходе к колониализму с позиций гиперкритицизма оценивается как «неизбежный провал» (Аминов, 1959: 273). Среди современных исследователей, занимающихся переселенческим вопросом, следует отметить Т. Котюкову. В своей работе она отмечает, что при обсуждении в Государственной Думе 3-го созыва переселенческого потока в Туркестан отсутствие удобных и орошаемых земель указывалось в качестве одной из двух основных причин его ограничения (Котюкова, 2016).

История строительства Романовского канала в Голодной степи, первого крупного государственного проекта по орошению в Центральной Азии, с описанием технических характеристик и указанием площади орошенных земель приводится в работе А. Курсиша, подготовленной до введения канала в хозяйственный оборот, и Г.П. Гельцера (Курсиш, 1913; Гельцер, 1925).

Отдельные аспекты политики государства в решении ирригационного вопроса в Туркестане в имперский период рассматриваются в статье Б.А. Алимджанова. Автор отмечает пассивность государства в деле разработки нового водного закона и орошения новых земель. Вместе с тем вывод автора, что «ни один проект по орошению не был осуществлен в Туркестане по причине того, что в законодательном порядке не был принят водный кодекс Туркестана» (Алимджанов, 2015), мы считаем излишне категоричным. Таким образом, дальнейший анализ и оценка политики России по развитию ирригации в крае, факторов, повлиявших на ее результативность в контексте общей иерархии интересов империи и программы модернизации Туркестана, имеет научную актуальность.

4. Результаты

К началу XX в., когда Туркестанское генерал-губернаторство окончательно сложилось как территориально административная единица, включающая пять областей, площадь орошаемых земель составляла 1 млн 500 тыс. дес., 3 % от всей территории края (РГИА Ф. 1276. Оп. 3. Д. 478. Л. 8). Основные центры орошаемого земледелия, исторически сложившиеся в регионе, находились в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях. По общему мнению, сложившемуся на основе изысканий на местности, запасы воды в регионе позволяли увеличить площадь орошаемых земель в два раза, до 3 млн десятин и больше. Улучшение состояния ирригационного дела в крае требовало политической воли государства и привлечения капиталов. Для начала государство должно было решить следующие вопросы: принять современный водный закон, определить точное количество свободной воды и свободных государственных земель. Только в этом случае можно было рассчитывать на повышение качества орошения в районах традиционного орошаемого земледелия и привлечение частных инвестиций в строительство новых ирригационных систем, на что рассчитывал А. Кривошеин, формулируя задачи хозяйственного развития Туркестана. Характер российской модели модернизации, где государство при слабости частного капитала выступало основным актором модернизационного процесса, объективно диктовало, что и в развитии ирригации государство должно играть инициативную роль. Однако правительство явно запаздывало с принятием решений в этом направлении. На 1913 г. единственным правовым источником, регулирующим вопрос о воде, оставалось Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г.

Причина низкой преобразовательной активности государства в ирригационном вопросе, как представляется, заключалась в сильной инерции традиции, сложившихся традиционных практик ведения орошаемого земледелия и регулирования водораспределения согласно обычному праву. Статья 256 Положения 1886 г. гласила: «Воды в главных арыках, ручьях, реках и озерах предоставляются населению в пользование, по обычаю» (Положение..., 1886). Таким образом, российская администрация узаконила и в то же время консервировала сложившийся порядок земле- и водопользования, в какой-то мере сделав себя заложником этого положения по воде. На период 1880-х гг. такое решение по важнейшему вопросу хозяйственного управления краем в какой-то мере было оправданно и продиктовано в первую очередь соображениями безопасности, стремлением закрепить регион в сфере российского влияния. Не желая спровоцировать социальные протесты со стороны коренного населения, администрация взяла курс на «сохранение за туземцами по возможности всех тех прав и льгот, которыми они пользовались до перехода в русское подданство» (Логанов, 1908: 19). Но с ростом товарности сельского хозяйства, его специализации, изменением номенклатуры выращиваемых культур «обычай» стал препятствием для развития. У этого порядка было много «но»: он не был кодифицирован, не имел универсальный характер; краевая администрация всех уровней плохо понимала порядок регулирования водопользования по обычаю,

чтобы как-то его корректировать; к началу XX в. обычный порядок, по оценкам гидротехников, утратил свое практическое значение.

Так как нормы регулирования водопользования по обычаю не были кодифицированы, это приводило к чрезвычайному разнообразию их толкования на местах. Единственным письменным подтверждением прав населения отдельных районов на воду были так называемые ханские грамоты. В законопроекте о водопользовании в Туркестане, представленном на обсуждение в Государственную Думу в 1913 г., отмечалось, что *документы ханского времени в силу своей неясности и неполноты не могут иметь значения непреложных доказательств на право пользования водой. Ввиду широко распространенной их подделки они не пользуются авторитетом в глазах администрации и населения (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 285. Л. 3).* Ханские грамоты, выданные десятки лет назад, не могли приниматься как правовое основание современной судебной системой в ситуации возникновения споров по вопросу водопользования. В отчете ревизии К.К. Палена приводится пример спора из-за воды между населением верхних и низовых волостей реки Исфара (в настоящее время приграничная территория Кыргызстана и Таджикистана – Авт.), который, на наш взгляд, отражает все издержки регулирования ирригации по обычаю, указанные выше. В данном случае как раз на основании ханской грамоты Исфаринская волость имела право на всю воду из реки, за исключением периода с 1 по 12 мая, когда вся вода пропускалась в волости, расположенные ниже Раватского распределителя (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284. Л. 7). В остальное время волости «низа» реки Исфара получали воду по остаточному принципу. Технически оросительные системы в Туркестане не имели водохранилищ, и орошение осуществлялось простым самотеком воды по открытым каналам. При такой системе орошения и «обычном» порядке регулирования водопользования нижние волости всегда находились под угрозой потери своего урожая, когда, например, уровень воды в реке падал и возникал ее дефицит. Распри между населением верха и низа реки Исфары тянулись с 1880-х гг. В 1904 г. администрация вынуждена была вмешаться в конфликт, потому что возросло число прошений представителей низовых волостей изменить порядок распределения воды. В 1905 г. заведующий ирригацией Ферганской области по поручению губернатора обследовал систему р. Исфара и выяснил, что в Исфаринской волости уровень воды в арыках выше, чем в целом по области, и в пять раз превышает потребности населения в ней (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284. Л. 7). Тем не менее его указание арык-аксакалу спустить излишек воды обратно в реку не было исполнено из-за противодействия со стороны населения. Уездный начальник в отчете губернатору обосновал действие (бездействие) местной администрации тем, что вся вода Исфары принадлежит Исфаринской волости по обычаю и уменьшение количества воды в арыках являлось бы нарушением ст. 256 Положения 1886 г. Местный окружной суд отказался решать этот спор, сославшись на отсутствие водного закона и недостаточность собранных данных о порядке водопользования спорящих сторон (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284. Л. 8). В результате возник замкнутый круг, конфликтная ситуация не решалась и являлась далеко не единичной в Туркестанском крае.

Как отмечается в отчетах ревизии Палена, «в настоящее время в разрешении споров из-за воды принимают участие все административные лица и учреждения: от мирабов до военных губернаторов» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284. Л. 21). По мнению русской администрации, распределение воды должно идти пропорционально обрабатываемой площади обрабатываемых земель. Но нормы обычая, как в случае с Исфаринским спором, далеко не всегда этому соответствовали. Для введения нового порядка требовались новые правовые нормы, а для разработки нового закона – данные о количестве замежеванных за местным населением земель, средних нормах потребления воды для их последующей фиксации, количестве свободной воды и так далее. И здесь мы выходим на следующую проблему, которая заключалась в том, что русская администрация за почти сорок лет управления краем так и не разобралась в «водных обычаях туземцев» (Логанов, 1908: 46) и процесс изучения водного хозяйства с учетом современных требований гидротехнической науки шел медленно. Решение этих задач должно было осуществляться на современных началах особыми организациями, имеющими в составе агрономов, инженеров-гидротехников, юристов. В декабре 1907 г. в Ташкенте прошел съезд гидротехников, участники которого высказали мнение, что управление ирригацией должно быть организовано иначе, чем в настоящее время, по обычаю. Съезд признал необходимость организации общего учета воды во всех источниках, поскольку такой информацией гидротехнические службы до сих пор не обладают. С этой целью было рекомендовано расширить сеть водомерных постов, увеличить штат техников и средств на оборудование гидротехнических станций (Закаспийское обозрение, 1908). Встает вопрос, могли ли служащие действующей системы управления ирригацией в крае решать подобные задачи и поставлять данные по потреблению воды, необходимые для разработки водного законопроекта. После присоединения Туркестана к Российской империи администрация сохранила сложившуюся в регионе систему управления водой на местах. Так, арык-аксакалы регулировали водные отношения населения на местах и заведовали главными оросительными каналами, а миробы осуществляли контроль за второстепенными арыками. И те, и другие выбирались из представителей коренного населения. Но со временем, когда все более актуализировалась задача модернизации ирригационной системы,

их подготовка уже не отвечала требованиям времени, поскольку в большинстве случаев арык-аксакалы не имели специальных технических знаний и подготовки, а мирабы вообще зачастую назначались из служащих, далеких от ирригационного дела (Логанов, 1908: 50). В лучшем случае они были авторитетными и уважаемыми людьми в своем сообществе, но проводить замеры воды, поставлять информацию научного характера они были не в состоянии. Даже К.К. Пален в своих предложениях по развитию ирригационного хозяйства рекомендовал улучшить материальное положение арык-аксакалов, чтобы привлекать на эту должность добросовестных людей (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284. Л. 28об.)¹. Согласно циркуляру 1888 г. Туркестанского генерал-губернатора, который регулировал водные отношения в крае, вопросами научного и технического обеспечения ирригационного дела в области должен был заниматься заведующий ирригацией. Однако, судя по тому, что к концу первого десятилетия XX в. с технической стороны модернизации уже действующих традиционных систем орошения ничего не было сделано, то такой задачи перед ними либо не ставилось, либо финансовые и кадровые ресурсы не позволяли это сделать.

Парадоксально, что сам порядок регулирования по обычаю приобрел весьма условный характер, поскольку постоянно нарушался самими сельскими обществами. Под влиянием развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве росла площадь пахотных земель, вводились новые культуры, которые были востребованы на рынке (рис, хлопок), что неизбежно влекло за собой изменения в нормах потребления воды. Особенно показательны в этом отношении посадки риса. Рис как культура требует в 3–4 раза больше воды, чем сухие зерновые. В ханское время посевы риса строго ограничивались. Вместе с тем с 1869 по 1892 гг. площадь рисовых посевов только в Зеравшанской долине увеличилась на 254 % и в последующие годы рост продолжался. Рисовые посевы вносили такой беспорядок в процесс пользования водой, что с первых же лет русская администрация стала предпринимать попытки к ограничению посевов. Однако ни угрозы, ни штрафы не смогли предотвратить посадки риса в запрещенных местах (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284. Л. 16), а, учитывая экономическую сторону вопроса, местная и краевая администрация не проявляла излишней настойчивости. В условиях, когда обычай утрачивал свое практическое значение, регулирование водопользования решалось, как правило, по праву сильнейшего. А сильнейшими являлись те поселения, которые были расположены ближе к началу или голове ирригационной системы. В результате межведомственное совещание под председательством Туркестанского генерал-губернатора в записке по проекту «Положения о пользовании водами для сельскохозяйственных и промышленно-технических целей в Туркестанском генерал-губернаторстве», подготовленной в 1910 г., вынуждено было фиксировать, что обычай со временем видоизменился настолько, что перестал удовлетворять тем требованиям, которые к нему предъявлялись как к норме права. Процесс регулирования водопользования представляет пеструю смесь всевозможных порядков, не имеющих в сущности никакой опоры ни в туземном обычном праве, ни в русском законодательстве (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 285. Л. 63). В этой связи мы вполне солидарны с выводом К.К. Палена, который отметил, что в Туркестане использование государством запасов свободных вод составляет задачу менее трудную, чем упорядочение водопользования туземного населения (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 284. Л. 29об.).

С начала XX в. наблюдается постепенная корректировка иерархии интересов империи в Центрально-Азиатском регионе, выразившаяся в повышении значимости экономических интересов относительно стратегических. Целью проведения ревизии Туркестана К.К. Паленом являлось выяснение возможностей передачи управления краем из ведения Военного министерства в Министерство внутренних дел, и среди прочего ревизия должна была собрать материалы и вынести рекомендации для разработки нового закона по воде (Верховский, 1910: 47). Следствием общей эволюции политики России в регионе стало инициирование процесса подготовки законопроекта по водопользованию в Туркестанском крае. В 1909 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием признал необходимым образовать особое межведомственное совещание для разработки основных принципов будущего водного закона. В 1910 г. этот проект прошел обсуждение на уровне областей Туркестанского края и межведомственного совещания под председательством Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова. В феврале 1913 г. законопроект о пользовании водами в Туркестанском генерал-губернаторстве был представлен на обсуждение сельскохозяйственной комиссии Государственной Думы. Проект включал такие положения, как передача всей воды в верховное распоряжение государства, установление прав населения на пользование водой особым свидетельством, в котором указывалось количество воды, переход споров по водопользованию после определения прав на воду в ведение судебных установлений, передача

¹ Согласно циркуляру Туркестанского генерал-губернатора 1888 г. арык-аксакалов назначал военный губернатор области и определял им жалованье из общественных сумм не выше жалованья волостного управителя. На начало XX в. жалованье волостного управителя в Ферганской области составляло 900 руб. и он заведовал районом площадью примерно 140 квадратных верст, в то время как в зоне ответственности арык-аксакалов находились участки оросительных систем площадью в среднем 500 квадратных верст, но мало кто получал такое же жалованье. Мирабы получали еще меньше.

права улучшения ирригационных систем Туркестанскому водному управлению без обязательного получения согласия местных сообществ, как это определялось действующим законодательством (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 285. Л. 13-14). В целом статьи законопроекта соответствовали ранее высказанным рекомендациям по вопросу регулирования водопользования, но закон так и остался на стадии обсуждения. С началом Первой мировой войны этот вопрос отошел на второй план.

В целом, если оценивать деятельность имперской администрации по вопросу повышения эффективности водопользования, то ее результативность была весьма скромной. Современники давали еще более категоричные оценки: «При ежегодном сборе с населения громадных сумм в течение десятков лет мы не имеем в результате ровно ничего, так как сооружения, возводимые населением в рамках натуральной повинности из хвороста, камыша, соломы и гальки, имеют временный характер...» (Логанов, 1908: 49). Та задача, которая была поставлена в конце XIX в. специалистами по ирригационному хозяйству в Туркестане, – разработка нового современного закона – так и не была выведена на практический уровень. При этом, если мы посмотрим статистику вывоза хлопка из Ферганской области, основного поставщика этого сырья на рынок, то она свидетельствует, что основной экономический интерес империи в регионе, казалось бы, реализуется. В 1900 г., когда была построена Андижанская ветка Среднеазиатской железной дороги, из Ферганской области было вывезено 2 млн 990 тыс. пудов хлопка, а в 1910 г. – 5 млн 617 тыс. пудов, шерсти за эти же годы 18 тыс. и 35 тыс. пудов соответственно (Обзор..., 1901: 64; Статистический обзор, 1912: Приложение 12). Однако хозяйственный рост достигался экстенсивным путем в рамках традиционного хозяйственного уклада: во-первых, за счет того, что население сокращало посевы зерновых и занимало освободившиеся земли хлопком; во-вторых, за счет расширения площади пахотных земель путем простого удлинения арыков в старых ирригационных системах.

Рассмотрим, какие шаги предпринимало государство в строительстве новых ирригационных каналов, поскольку добиться качественного прироста хозяйственных земель, пригодных для русской колонизации, возможно было только таким путем. Н. Дингельштедт еще в 1893 г. писал: «Наши истинные культурные задачи заключаются не в исправлении неисправимой азиатской ирригации, наши задачи заключаются в строительстве новых ирригационных систем, в орошении новых земель, и при том на твердых основах положительного закона. Оставим надежды переучить туземцев..., лучше оросим два миллиона десятин, но оросим по-европейски, связав это орошение с колонизацией края русскими людьми и развитием торгово-предпринимательской деятельности» (Дингельштедт, 1893: 294). На период ревизии Палена 1908–1909 гг. к достижениям в этом направлении можно отнести орошение Мургабского государева имения в Закаспийской области и работы по орошению северо-восточной части Голодной степи в Самаркандской области. Поскольку Мургабское имение представляло своего рода образцовое хозяйство с современной ирригационной системой, но не ориентированное на реализацию стратегических хозяйственных задач империи в регионе, то в статье мы остановимся на анализе проекта орошения Голодной степи, как раз рассчитанного на нужды колонизации края.

В 1895 г. Министерство земледелия начало предварительные изыскания в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях, которые закончились к 1900 г. составлением восьми схематичных проектов орошения казенных земель площадью в 209 тыс. 750 десятин (Россия..., Т. 19: 428). Из них проект орошения северо-восточной части Голодной степи был признан приоритетным, и в 1900 г. Государственный совет принял решение о выделении средств на его реализацию в сумме 2 млн 250 тыс. руб. К этому времени в данном районе Голодной степи уже действовал оросительный канал имени императора Николая I, построенный к 1897 г. великим князем Николаем Константиновичем на свои средства. Великий князь находился в Ташкенте в ссылке, не занимал каких-либо государственных должностей, а был просто энтузиастом дела орошения региона. Канал императора Николая I отходил от Сырдарьи и был построен туземным способом, следовательно, требовал ежегодного ремонта и очистки. В силу этих обстоятельств мы не можем отнести его к числу достижений модернизационной политики государства в Туркестане, хотя он сыграл некоторую положительную роль: в районе прохождения канала возникло несколько русских поселков. В 1901 г. канал императора Николая I был выкуплен в казну за 340 тыс. руб. Новый канал по плану выводился из Сырдарьи немного выше головы канала Николая I и шел параллельно ему до поселка Конногвардейского, затем делился на две ветки. Зона орошения левой ветки определялась в 53 тыс. десятин, правой – 28 тыс. десятин (Курсиш, 1913: 27). Первоначально разработчики проекта орошения Голодной степи считали, что земли, орошаемые каналом Николая I, перейдут в зону действия новой системы. Но со временем по ходу строительства возобладало мнение о сохранении самостоятельного значения канала Николая I.

К строительству новой ирригационной системы приступили в 1901 г. Проблема заключалась в том, что работы начали как бы с конца, со строительства ветвей канала, без четкого технического проекта магистрального канала и головного сооружения, составления почвенной карты местности. Когда эти вопросы неизбежно актуализировались в ходе строительства, это привело к удорожанию проекта до 7 млн 106 тыс. руб. к 1909 г. и переносу сроков окончания работ (РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 478. Л. 112). Почвенная карта местности, составленная в 1908 г., показала высокое содержание

солей в почве Голодной степи, борьба с которыми, по мнению почвоведов Н.А. Димо, требовала проектирования массы добавочных дренажных сооружений, существенно повышающих затраты на строительство (РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 478. Л. 113). Кроме того, выяснилось, что район лучших земель находится к западу от линии Ташкентской железной дороги, где по проекту идет левая ветка канала, в районе правой ветки почвы хуже, что поставило вопрос о целесообразности ее строительства на текущий момент. В 1908 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием, обеспокоенный состоянием строительства ирригационной системы в Голодной степи, направил туда для ревизии особую комиссию Гидротехнического комитета. Комиссия признала ошибочным осуществляемый ранее план строительства работ и представила свои рекомендации. В этом же году была окончательно разработана схема головного сооружения канала и новая смета окончания строительных работ до конца 1914 г. Следует отметить, что технически Романовский канал отвечал достижениям инженерной мысли в этом вопросе: при строительстве головного сооружения и водоотводов канала использовались современные материалы – бетон, железобетон. В 1913 г. прошло официальное открытие головного сооружения Романовского канала и фактически он начал функционировать, хотя полностью работы не были закончены. На путь расширения и улучшения Северная голодно-степная система (так был назван Романовский канал) встала только в 1923–1924 гг. По плану ирригационных работ в Голодной степи предельная площадь, включенная в хозяйственный оборот, достигала 84 тыс. десятин земли, из них собственно пахотные земли – 65 тыс. дес. В 1924 г. пропускная способность системы позволяла орошать только 45 тыс. десятин земли (Гельцер, 1925: 53), но запросов на воду со стороны расположенных здесь хозяйств было больше, что говорит о том, что вновь орошенные земли были востребованы в хозяйственном отношении. Завершая характеристику деятельности правительства по строительству новых оросительных систем, хотелось бы отметить, что в это время администрации всех областей края имели проекты орошения новых земель: Г. Логанов приводит 15 проектов только для Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областей (Логанов, 1908: 56–57). Интерес к орошению в Ферганской области проявлял и частный капитал, заинтересованный в развитии хлопководства. Так, Московская оросительная компания, основанная владельцами московских хлопчатобумажных фабрик, начала в 1911 г. разработку проекта орошения Уч-Курганской степи водами р. Нарын (Котюкова, 2016: 73–74). Но все они так и не вышли на уровень практической реализации по причине нехватки капиталов либо отсутствия свободных земель для орошения по итогам проведения поземельно-податного размежевания.

В целом дефицит капиталов и кадров являлся системной проблемой в решении задач социально-экономической модернизации Туркестана. В связи с приграничным положением региона, недавно вошедшего в состав Российской империи, политика правительства определялась доминированием стратегических интересов над задачами хозяйственного развития. С момента присоединения Туркестана к России и до конца XIX в. содержание армии составляло в среднем 60 % расходной части бюджета Туркестана (Убыточен ли Туркестан..., 1899: 5), который был еще и хронически дефицитным. В связи с этим в среде центральной администрации сложился устойчивый стереотип восприятия Туркестана как убыточного региона в экономическом отношении, содержание которого лежит бременем на метрополии. В этих условиях центральное руководство очень осторожно подходило к выделению средств на экономические нужды края и концентрировало свои усилия и капиталы на решении более приоритетных задач как в стратегическом, так и в экономическом отношении: например, на строительстве современных путей сообщения и средств связи, в частности железных дорог, которых вообще не было в регионе (См. подробнее: Бочкарева, 2019). Когда пришло понимание роли проблемы водопользования для реализации интересов империи в Туркестане, бюджет страны тоже стал дефицитным в силу неблагоприятной внутри- и внешнеполитической ситуации. Министерство финансов стало проводить курс сокращения участия государства в финансировании масштабных инфраструктурных проектов, что также сказалось на характере решения ирригационного вопроса в Туркестане.

5. Заключение

С момента вхождения Туркестана в состав Российской империи ее политика в регионе определялась доминированием стратегических интересов, решением задач закрепления России в регионе в условиях конкуренции с Великобританией. Вопросы хозяйственного развития имели второстепенное значение в иерархии интересов и расходах государства. В результате система ирригационного хозяйства и орошаемого земледелия, сложившаяся задолго до появления в регионе России и, что немаловажно, демонстрирующая за счет мобилизации экстенсивных факторов экономический рост, долгое время не являлась предметом особого внимания со стороны центральной власти. Более того, придав из соображений безопасности характер современной правовой нормы порядку регулирования водопользования по обычаю, государство создало себе дополнительное препятствие для реформирования этой сферы. Краевая администрация с 1990-х гг. указывала на проблемы в функционировании системы водопользования, тормозящие решение задач экономического развития края. Однако ирригационный вопрос как направление политики России в Туркестане сложился только к 1910-м гг., к этому времени относятся практические

модернизационные шаги как в районах традиционного орошаемого земледелия, так и в строительстве новых ирригационных систем. Это связано с общей сменой акцентов в политике метрополии, окончательным оформлением стратегии экономического развития края, в которой расширение площади орошаемых земель имело первостепенное значение. Кроме того, к этому времени сложилось понимание, подкрепленное собранными материалами, что действующая система ирригации и правовой порядок водопользования преодолели лимиты своей эффективности и дальнейший рост требует решения ирригационного вопроса на качественно новом уровне. Однако исторически шаги носили запоздалый характер. Анализ состояния ирригационного вопроса в Туркестане подтверждает положение, что в России государство выступало первостепенным актором модернизационного процесса, и если оно по каким-то причинам снимало эти обязательства, то других стимулов не хватало, чтобы обеспечивать развитие в соответствии с вызовом времени.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 19-18-00180.

Литература

- Актеры...**, 2015 – Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. 313 с.
- Алимджанов, 2015** – Алимджанов Б.А. Позиция российской администрации в ирригационном вопросе в Туркестане (1867–1917 гг.) // Вестник КРСУ. 2015. Том 15. № 10. С. 16–18.
- Аминов, 1959** – Аминов А.М. Экономическая политика царизма в Туркестане. Ташкент, 1959.
- Бартольд, 1927** – Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. 256 с.
- Бочкарева, 2019** – Бочкарева И.Б. Железнодорожное строительство в стратегии Российской империи по освоению Туркестана // Известия АлтГУ. 2019. № 5 (109). С. 33–38.
- Верховский, 1910** – Верховский Н.П. Хлопководство в Туркестане и перевозка хлопка по Ташкентской и Среднеазиатской железным дорогам. СПб., 1910. 84 с.
- Гельцер, 1925** – Гельцер Г.П. Голодно-Степская оросительная система в 1923–1924 хозяйственном году // Вестник ирригации. 1925. № 3. С. 51–61.
- Гирс, 1882** – Гирс О. Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1882. 392 с.
- Дингельштедт, 1893** – Дингельштедт Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1893. 513 с.
- Закаспийское обозрение** – Закаспийское обозрение 1908. № 36–38.
- Записка главноуправляющего, 1913** – Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием [Кривошеина А.] о поездке в Туркестанский край в 1912 г. // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 297–265.
- Котюкова, 2016** – Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. 391 с.
- Курсиш, 1913** – Курсиш А. Голодная степь. Очерк работ по орошению северо-восточной ее части. СПб., 1913. 70 с.
- Логанов, 1908** – Логанов Г. Россия в Средней Азии // Вопросы колонизации. 1908. № 4. С. 1–77.
- Лысенко, 2019** – Лысенко Ю.А. Актеры социально-экономической модернизации Центрально-Азиатского региона Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII – XIX вв. Сборник научных трудов международного семинара. М., 2019. С. 40–57.
- Обзор...**, 1901 – Обзор Ферганской области за 1900 г. Новый Маргелан, 1901.
- Положение...**, 1886 – Положение об управлении Туркестанского края. 1886 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html> (дата посещения: 13.05.2021).
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Россия...**, Т. 19 – Россия: полное географическое описание нашего отечества. Т. 19. Туркестанский край / Сост.: В.И. Масальский. СПб., 1913.
- Статистический обзор, 1912** – Статистический обзор Ферганской области за 1910 г. Скобелев, 1912.
- Убыточен ли Туркестан, 1889** – Убыточен ли Туркестан для России. СПб., 1899. 19 с.
- Юлдашев, 1969** – Юлдашев А.М. Аграрные отношения в Туркестане: конец XIX – начало XX вв. Ташкент, 1969. 256 с.

References

- Aktory...**, 2016 – Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX): regional'noe izmerenie. Ekaterinburg, 2016. 313 p. [in Russian]
- Alimdzhanov, 2015** – Alimdzhanov, B.A. (2015). Pozitsiya rossiiskoi administratsii v irrigatsionnom voprose v Turkestane (1867 – 1917 gg.) [The Russian administration's position in the irrigation issue in Turkestan (1867-1917)]. *Vestnik KRSU*. 15(10): 16-18. [in Russian]

- Aminov, 1959** – *Aminov, A.M.* (1959). Ekonomicheskaya politika tsarizma v Turkestane [Economic policy of Tsarism in Turkestan]. Tashkent. [in Russian]
- Bartold, 1927** – *Bartol'd, V.V.* (1927). Istoriya kul'turnoi zhizni Turkestana [History of the cultural life of Turkestan]. L., 256 p. [in Russian]
- Bochkareva, 2019** – *Bochkareva, I.B.* (2019) Zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v strategii Rossiiskoi imperiipo osvoeniyu Turkestana [Railway Construction in the Russian Empire Strategy for Turkestan Development]. *Izvesti AltGU*. № 5(109). Pp. 33-38. [in Russian]
- Dingel'shtedt, 1893** – *Dingel'shtedt, N.* (1893). Opyt izucheniya irrigatsii Turkestanskogo kraja. Syr-Dar'inskaya oblast' [Experience in studying irrigation in the Turkestan region. Syr-Darya region]. St. Petersburg, 513 p. [in Russian]
- Gel'tser, 1925** – *Gel'tser, G.P.* (1925). Golodno-Stepskaya orositel'naya sistema v 1923-1924 khozyaistvennom godu [Golodno-Stepskaya irrigation system in the 1923-1924 economic year]. *Vestnik irrigatsii*. 3: 51-61. [in Russian]
- Girs, 1882** – *Girs, O.* (1882). Otchet revizuyushchego po vysochaishemu povelenyu Turkestanskii kraia tainogo sovetnika Girsy [Report of the Privy Councilor Girsy, who is auditing the Turkestan Region by the highest order]. SPb. 392 p. [in Russian]
- Kotyukova, 2016** – *Kotyukova, T.V.* (2016) Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy [The outskirts are in a special position... Turkestan on the eve of the drama]. M. 391 p. [in Russian]
- Kursish, 1913** – *Kursish, A.* (1913). Golodnaya step'. Ocherk rabot po orosheniyu severo-vostochnoi ee chasti. [The Hungry Steppe. An outline of works on irrigation of the north-eastern part of it]. SPb. 70 p. [in Russian]
- Loganov, 1908** – *Loganov, G.* (1909) Rossiya v Srednei Azii [Russia in Central Asia]. *Voprosy kolonizatsii*. 4: 1-77. [in Russian]
- Lysenko, 2019** – *Lysenko, Yu.A.* (2019). Aktory sotsial'no-ekonomicheskoi modernizatsii tsentral'noaziatskogo regiona Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Actors of socio-economic modernization of the Central Asian region of the Russian Empire (the second half of the XIX-beginning of the XX centuries)]. *Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII – XIX vv. Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnogo seminaru*. M. Pp. 40-57. [in Russian]
- Obzor..., 1901** – *Obzor Ferganskoi oblasti za 1900 g.* [Review of the Ferghana region for 1900]. Novy Margelan, 1901. [in Russian]
- Polozhenie...1886** – *Polozhenie ob upravlenii Turkestanskogo kraja. 1886 g* [Regulation on the administration of the Turkestan Region. 1886]. [Electronic resource]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html> (date of access: 13.05.2021) [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive].
- Rossiia ... T. 19., 1913** – *Rossiia: polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Turkestanskii kraia* [Russia: a complete geographical description of our fatherland. Vol. 19. Turkestan region]. Sost.: V.I. Masal'skii. SPb., 585 p. [in Russian]
- Statisticheskii obzor, 1912** – *Statisticheskii obzor Ferganskoi oblasti za 1910 g.* [Statistical review of the Ferghana region for 1910] Skobelev, 1912. [in Russian]
- Verkhovskii, 1910** – *Verkhovskii, N.P.* (1910). Khlopkovodstvo v Turkestane i perevozka khlopka po Tashkentskoi i Sredneaziatskoi zheleznym dorogam [Cotton growing in Turkestan and the transportation of cotton along the Tashkent and Central Asian railways]. SPb. 84 p. [in Russian]
- Ubytochen li Turkestan, 1889** – *Ubytochen li Turkestan dlya Rossii*. [Is Turkestan unprofitable for Russia]. SPb., 1899. 19 p. [in Russian]
- Yuldashev, 1969** – *Yuldashev, A.M.* (1969). Agrarnye otnosheniya v Turkestane: konets XIX – nachalo XX vv. [Agrarian relations in Turkestan: the end of the XIX – beginning of the XX centuries]. Tashkent, 256 p. [in Russian]
- Zakaspiiskoe obozrenie** – *Zakaspiiskoe obozrenie* [Transcaspiian Review] 1908. № 36, 38, 40. [in Russian]
- Zapiska glavnoupravlyayushchego, 1913** – *Zapiska glavnoupravlyayushchego zemleustroistvom i zemledeliem [Krivosheina A.] o poezdke v Turkestanskii kraia v 1912 g.* [Note of the Chief Administrator of land management and agriculture [A. Krivosheina] on a trip to the Turkestan Region in 1912]. *Voprosy kolonizatsii*. 1913. 12: 297-265. [in Russian]

**Ирригационный вопрос в политике России в Туркестане
(конец XIX – начало XX вв.)**

Ирина Борисовна Бочкарева ^{a, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Аграрная специализация и орошаемый тип земледелия в Туркестане определили ирригационный вопрос как важную составляющую общей программы модернизации региона и условие реализации экономических интересов России: развитие хлопководства и расширение русской колонизации. Понимание российской политической элитой экономических интересов в Туркестане сложилось уже в начале 1890-х гг. Вместе с тем приграничное положение Туркестана, сложная международная ситуация в регионе, вызванная соперничеством России с Великобританией в Центральной Азии, оказали влияние на характер усилий государства по решению задач экономической модернизации региона. Ирригационный вопрос явно оказался не в числе приоритетов экономической политики метрополии в Туркестане. Государство вкладывало средства в строительство современных видов транспорта и связи, прежде всего железных дорог. Решение ирригационного вопроса в духе современных подходов требовало проведения большой предварительной работы и капиталов: проведения поземельно-податного размежевания и определения количества свободных государственных земель, оценки водных ресурсов региона, разработки нового водного закона. Комплекс мер по решению ирригационного вопроса стал осуществляться системно только к 1910 г. Это связано с общей сменой акцентов в политике метрополии, окончательным оформлением стратегии экономического развития края, в которой расширение площади орошаемых земель имело первостепенное значение. Можно сказать, что в процессе модернизации ирригационного хозяйства в имперский период были сделаны только первые шаги: сложились подходы к правовому оформлению процесса водопользования, были определены районы строительства новых оросительных систем, системное решение этого вопроса с учетом вызовов времени осуществлялось уже советской властью.

Ключевые слова: ирригация, модернизация, Туркестан, Российская империя, водный закон, орошение Голодной степи.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Mbogachev@hse.ru (М.И. Богачев), ENazyrova@fa.ru (Е.А. Назырова), Schelkopliasova2015@yandex.ru (Н.И. Шелкоплясова)